

**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ
В СУРГУТСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА
(в сопоставлении с другими уральскими языками
и диалектами хантыйского языка) ***

В статье рассматриваются синтаксические и морфологические средства выражения актуального членения в двух уральских языках Сибири – хантыйском (сургутский и казымский диалекты) и ненецком (лесной и тундровый диалекты). Ведущую роль играют морфологические средства (падежное варьирование имен существительных, выбор между субъектным и объектным спряжением и особенности формирования залоговых форм глагола), так как возможности изменения порядка слов ограничены.

This paper presents comparative description of syntactic and morphological means of expressing topic and focus in two Uralic languages of Siberia – Khanty (Surgut and Kazym dialects) and Nenets (Forest and Tundra dialects). Noun and verb morphology (case variation, type of conjugation and passive constructions) are most important, as far as word order is fairly fixed.

Для выражения актуального членения в хантыйском языке используется весь спектр возможных средств: синтаксические, морфологические, лексические и интонационные. В данной статье рассматриваются синтаксические и морфологические средства выражения актуального членения в сургутском диалекте хантыйского языка в сопоставлении с казымским диалектом и с привлечением данных по двум диалектам ненецкого языка – лесному и тундровому. Хантыйский и ненецкий языки относятся к уральской языковой общности, их носители проживают на смежных (часто на одних и тех же) территориях северной части Западной Сибири и находятся в постоянных контактах. Между представителями лесных ненцев и сургутских и казымских хантов очень высок процент смешанных браков, что приводит к широко распространенному хантыйско-ненецкому двуязычию, которое способствует взаимному влиянию языков друг на друга, а в зависимости от конкретной контактной территории (нумтовские ненцы – казымские ханты, аганские ненцы – сургутские ханты) характеризуется специфическими особенностями.

Синтаксические средства выражения актуального членения

Порядок слов. В хантыйском языке, в отличие от русского, порядок слов не является основным средством выражения актуального членения, так как возможности его варьирования ограничены. Нейтральным порядком слов считается порядок SOV, при котором конечная позиция глагола фиксирована, а взаимное расположение субъекта и объекта (а также и других возможных второстепенных членов предложения) зависит от актуального членения: рематической является позиция непосредственно перед глаголом, в соответствии с чем перед ним располагается тот член предложения, который выполняет роль ремы.

Порядок SOV возможен в общеинформативных высказываниях, отвечающих на вопросы «Что случилось? Что произошло?», и частноинформативных с ремой-объектом. Например:

(1) хант. каз.

(Что случилось?)

Мың ҫар велсүв.

miŋ	lar=∅	weλ=s=əw
мы.NOM	ерш=NOM	добыть=PAST=SUBJ/1PI
'Мы добыли ершей.'		

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 05-04-04175а «Сургутский диалект хантыйского языка»).

При рематизации объекта происходит мена субъектного спряжения на объектное, т. е. средством разграничения общеинформативных и частноинформативных высказываний с одинаковым порядком слов служит тип глагольного спряжения.

(2) хант. каз.

(Что мы добыли?)

Мўң дар велсэв.

mūŋ	lar=∅	wel=s=ew
мы.NOM	ерш=NOM	добыть=PAST=OBJ/1Pl/Sg

‘Мы добыли ершей.’

Однако возможны и экспрессивные высказывания с ремой-объектом, в которых объект выносится в позицию абсолютного начала предложения. Порядок слов имеет вид OSV, например:

(3) хант. каз.

(Что мы добыли?)

Лар мўң велсув.

lar=∅	mūŋ	wel=s=ew
ерш=NOM	мы.NOM	добыть=PAST=SUBJ/1Pl

‘Ершей мы добыли.’

Такие высказывания возможны в контекстах, в которых объект либо неочевиден (например: «Разве ты сам не видишь, что мы добыли?»), либо ожидание не оправдалось (рыбаки добыли не щук, а ершей).

Частноинформативные высказывания с ремой-субъектом в позиции перед глаголом допустимы, но для рематизации субъекта чаще используются морфологические средства или особые синтаксические конструкции. Ср. в следующем высказывании для выражения отношений контрастного сопоставления используются оба возможных варианта акцентирования субъекта: и постановка его в позицию перед глаголом в активной конструкции, и использование пассивной конструкции, в которой второй – контрастный субъект принимает форму местно-творительного падежа при глаголе в форме страдательного залога:

(4) хант. каз.

(Кто обходит ближние места? А кто обошел дальние места?)

Wan tāxet lūw šqšlale, xūw tāxet aŋkeln šqšsajət.

wan	tāx=et=∅	lūw	šqš=λ=əle
близкий	место=Pl=NOM	он.NOM	шагать=Pr=OBJ/3Sg/Pl
xūw	tāx=et=∅	aŋk=eλ=n	šqš=s=aj=ət
дальний	место=Pl=NOM	мать=POSS/3Sg/Sg=LOC	шагать=PAST=PASS=SUBJ/3Pl

‘Ближние места он обходит, а дальние места мать обошла.’

В контрастных, а также в подчеркнуто экспрессивных или верификативных высказываниях возможно вынесение объекта или субъекта в позицию после предиката, например:

(5) хант. сург.

Нөқ йинтэ тэм ньыр! (Роман Васильевич Казамкин, аганский говор)

нөқ	йинт=э	тэм	ньыр=∅
PRFX	защить=IMP/OBJ/2Sg/Sg	этот	вид обуви=NOM

‘Зашей эту обувь!’

(6) хант. сург.

Кўты вәрләм ма нўңат? (Роман Васильевич Казамкин, аганский говор)

кўты	вәр=д=эм	ма	нўң=ат
как	сделать=Pr=SUBJ/1Sg	я.NOM	ты=ACC

‘Что мне с тобой делать?’

(7) хант. каз.

Э-э-э, *сымишум хэ нӱ!* (Касум мув моньчат-путрат. С. 170)

sjimil=əm	хэ	нӱ
заянаться=PP	человек	ты

‘Заянавшийся ты человек!’

Рассмотрим контекст, в котором в одной и той же фразе в зависимости от коммуникативного задания порядок слов варьирует.

(8) хант. сург. (Иван Степанович Сопочин, тром-аганский говор)

(а) *Чу йӧх вӧддэт ӧттэ, вӧддэт инам, тӧхнэ* (а) Те люди живут, живут все, так живут. *вӧддэт.*(б) *Қат йӧққэн һӧвәмтаҳэ питхэн.* (б) Два человека начинают разговаривать.(в) *Тӧхнэ вӧддэт ӧттэ.* (в) Так живут.(г) *Һӧвәмтаҳэ питхэн қат йӧққэн.* (г) Начали разговор два человека.(д) *Әй қуйәд йастәд: «Чӧқа һӧвәрәм сурадәх».* (д) Один человек говорит: «Вот ребенок умер».

В данном контексте хиазм (симметричное расположение членов предложения, в этом случае SV – VS) используется в стилистических целях: для создания ритмичности повествования. Ср. аналогичный пример, в котором хиазм используется в пределах одной фразы:

(9) хант. сург.

temi nõk=nam tuγ=∅=oj=əm әј мәта=пә туγ=∅=oj=əm один кто-то=LOC взять=PAST=PASS=SUBJ/1/Sg

temi	nõk=nam	tuγ=∅=oj=əm	
это	вверх=APPR	взять=PAST=PASS=SUBJ/1/Sg	
әј	mәта=пә	tuγ=∅=oj=əm	nõk=nam
один	кто-то=LOC	взять=PAST=PASS=SUBJ/1/Sg	вверх=APPR

‘Меня наверх брали, кто-то брал меня наверх.’

Хиазм используется для создания высокого стиля, в том числе в ритуальных контекстах:

(10) хант. каз.

Ma in tähta peŋkäŋ ošni хурал вӧрт, күншӧң ошни хурал вӧрта ма, вӧрта ши мӧндум! (Касум мув моньчат-путрат. С. 30).

ma	in	tähta	peŋk=əŋ	ošni	хӧг=эл	wɔrt
я.NOM	теперь	отсюда	зуб=ADJ	шуба из овчины	облик=POSS/3Sg/Sg	дух
künš=əŋ	ošni		хӧг=эл		wɔrt=a	ma
коготь=ADJ	шуба из овчины		облик=POSS/3Sg/Sg		дух=DAT	я.NOM
wɔrt=a	ši		māp=λ=əm			
дух=DAT	так		идти=Pr=SUBJ/1/Sg			

‘Я сейчас в духа в облики клыкастого медведя, в духа облики когтистого медведя, в духа я превращусь!’

Ср. другой пример из казымского диалекта хантыйского языка. В «Сказке про Мелюшку» царь посылает главного героя к великану за семью золотыми тарелками на одной ножке. Анализируемому предложению предшествует контекст:

[(Мелюшка приходит к великану и говорит:

– Я слышал, будто у тебя есть семь золотых тарелок на одной ножке. Эту тарелку мне бы глазами увидеть! Потом меня убьешь, (мясо мое) в тарелку положишь.

Великан отвечает:

– Да, правда, жена, покажем тарелку племяннику)].

(11)

šälta an tɔw tɔsɔ

šälta	an=∅	tɔw	tɔ=s=j=∅
потом	чашка=NOM	сюда	нести=PAST=PASS=SUBJ/3Sg

‘Потом чашку сюда принесли.’

(прямой порядок слов)

[Мелюшка тарелку под мышку засунул и побежал. Великан за ним бежит. <...> Мелюшка прибежал в царский город.]

(12)

Ja, tq̄sle anel, (x̄ɔn ikija si mäsle).

ja tq̄=s=лe an=el=∅
ну нести=PAST=OBJ/3Sg/Sg чашка=POSS/3Sg/Sg=NOM

‘Ну, принес(-таки) чашку, (царю отдал).’
(обратный порядок слов)

Обратный порядок слов в предложении 12 обусловлен контекстом: посылая Мелюшку за тарелкой, царь рассчитывает на то, что тот не вернется. Вопреки его ожиданиям, Мелюшка возвращается живой и с тарелкой. Сказуемое на первом месте получает акцентное выделение, так как высказывание является экспрессивным общеверификативным и отвечает на вопрос «Принес тарелку или не принес?».

В ненецких фольклорных текстах отклонения от порядка слов SOV наблюдаются значительно чаще. См. несколько предложений из сказки «Лампа Шатутэй», записанной от сказителя, практически не владеющего русским языком, что исключает русскоязычное влияние.

(13) нен. лесн. (Татва Логаны, нумтовский говор)

«Нянай то'шияя чета", нешамта ёхола"мата, чики ева'ку џашке"».

нянай то'=шия=я чета" неша=м=та
со мной прийти=OBLIG=REFL/3Sg сейчас отец=ACC/Sg=POSS/3Sg/Sg

ё=хола="ма=та чики ева'ку џашке="

потерять=SMLF=VN_{perf}=3Sg тот сирота ребенок=PRTCL

‘Пусть со мной поедет, этот сирота-ребенок, потерявший своего отца.’

(14)

Мань вата'шейхам џашкетлям.

мань вата'=шей=ха=м џашке=тлям
я вырастить=OBLIG=HORT=OBJ/1Sg ребенок=CMPR

‘Я его выращу как (родного) ребенка.’

(15)

Мань не џашкей таямэ.

мань не џашке=й тая=мэ=∅
я женщина ребенок=POSS/1Sg/Sg иметься=PP=SUBJ/3Sg

‘У меня девочка есть.’

(16)

Не џашкей ми'тџат шай"най».

не џашке=й ми'т=џа=т шай"най
женщина ребенок=POSS/1Sg/Sg дать=AOR=SUBJ/1Sg потом

‘Девочку свою отдам в будущем.’

(17)

Тадям тидимантуџ шелды" ятэ'литу, ты няямтампёшту, кахетана" ты, Лампа Шату'тэй.

тадым тиди=ма=нтуџ шелды" ятэ'л=шту=∅
так жить=VN_{impf}=3PI пока=PRTCL ходить=HAB=SUBJ/3Sg

ты няямта=мпё=шту=∅ кахета=на=" ты

олень дрессировать=DUR=HAB=SUBJ/3Sg необученный=PRTCL олень

‘Пока так живут, Лампа Шату'тэй ездит, оленей обучает, неприрученных оленей, Лампа Шату'тэй.’

(18)

Най куняң ңайталэ" кэшту, ңоп коли"яхананта.

ңай	куняң	ңайталэ="	кэ=шту
опять	куда	ехать на легковой нарте=CV	уехать=HAB=SUBJ/3Sg
ңоп	коли"=я=хана=нта		
один	хор=DIM=LOC/Sg=POSS/3Sg/Sg		

‘Все время куда-то ездит на упряжке, на одном своем хоре.’

Таким образом, в хантыйском языке отклонения от фиксированного порядка слов допустимы в ограниченных случаях, обусловленных прагматическими условиями и экспрессивностью высказываний. В целом конечная позиция глагола-предиката служит маркером конца предложения. В ненецком языке порядок слов является более свободным, это обуславливает его более широкое, по сравнению с хантыйским, использование для выражения актуального членения.

Определительная конструкция как средство рематизации глагола-сказуемого в верификативных высказываниях. Для построения верификативных высказываний широко используется определительная конструкция, в которой сказуемое принимает форму причастия. Необычность инфинитной формы в функции сказуемого простого предложения сигнализирует о том, что ремой высказывания является именно оно.

(19) хант. сург. (Иван Степанович Сопочин, тром-аганский говор)

(а) <i>Йыснэ, ай пүхэднэ вөдзэт дүв.</i>	(а) Раньше, в старину, (люди) ведь в одном селении все вместе жили.
(б) <i>Әй пүхэд қөринэ вөдзэт.</i>	(б) В одном дворе ^е живут.
(в) <i>Ит мәң қөднэ қот төйдүв.</i>	(в) (Имеют дома) такие же, как у нас (букв.: как мы дома имеем).
(г) <i>Чиминт ңадэ-вәт қот, йәң ким қот вөдзэд.</i>	(г) Таких четыре-пять домов, около десяти домов бывает.
(д) <i>Чуминт төҳинэ вөдтэ йөх.</i>	(д) В таком вот месте и живут (букв.: В таком месте живущие люди).

Глоссирование предложения (д):

Чуминт төҳинэ вөдтэ йөх.

чуминт	төҳи=нө	вөд=тэ	йөх=Ø
такой	место=LOC	жить=РгР	люди=NOM

Букв.: В таком месте живущие люди.

‘В таком вот месте и живут.’

В следующем контексте описывается ситуация знакомства, в которой прибывшие к царю гости по очереди представляются друг другу.

(20) хант. каз.

(а) <i>Ин щит омәстан күтн пүтәртьяддәңи.</i>	(а) Пока так сидели, между собой разговаривают двое.
(б) – <i>Нын ищи, – лупд [мой хэ], – худжаса юхтум өх ищи?</i>	(б) – Вы, – говорит [гость], – откуда прибывшие люди?
(в) – <i>Мүң, – лупдәт, – вәнт дәңх щирап не хәдум пух! (г) Па нәң па немен па мулды ищи?</i>	(в) – Мы, – говорят, – три сына женщины, подобной лесному духу. (г) А тебя-то как зовут?
(д) – <i>Ма, – лупд, – немен Лјапәт Лыска Ай Лыска. (е) Увәс мүв эвәдт юхтум хә!</i> (Касум мув моньщат-пүтрат. С. 180).	(д) – Мое, – говорит, – имя Младший Лыска среди Семи Лысков. (е) Я прибыл из северных земель.

Особенность ситуации состоит в том, что один из гостей приехал на богатой лодке, другие тоже хотят произвести благоприятное впечатление, поэтому в речи употребляют причастную определительную конструкцию, которая подразумевает если не похвальбу, то скрытый смысл: «Если Вы не знаете (хотя могли бы знать / странно, что вы не знаете), то

знайте, что я такой-то человек». Причастная форма сказуемого в предложениях (б) и (е) актуализирует новизну вводимой информации, которая сопровождается особыми прагматическими смыслами.

Глоссирование предложений (б) и (е):

(б) хант. каз.

Нын ици худџаса юхтум ёх ици?

nɨn	iʃi	χɔʎsasa	jɔχt=əm	jɔχ	ʃi
вы.Du.NOM	тоже	откуда	приехать=PP	люди	тот

Букв.: А вы-то откуда приехавшие люди?

‘А вы-то откуда приехали?’

(е) хант. каз.

Увас мўв эвџт юхтум хџ!

ɔwəs	mɨw	ewəʎt	jɔχt=əm	χɔ
север	земля	из	приехать=PP	человек

Букв.: Из северной земли приехавший человек.

‘Я ведь приехал из северной земли!’

Таким образом, причастие в простом предложении служит средством рематизации сказуемого и способом формирования верификативных высказываний.

Конструкции, используемые для введения темы. Для введения в повествование нового участника или новой темы используются бытийные конструкции, предшествующие фразам, в которых описываются происшествия с названными в бытийном предложении лицами или предметами. Например:

(21) хант. сург. (Иван Степанович Сопочин, тром-аганский говор)

tət as təjnə ruʎ imi, t'ərtəm.

tət	as	təj=pə	ruʎ	imi	t'ərt=ɔ=əm
здесь	Обь	верх=LOC	русский	женщина	шаманить=PAST=SUBJ/1Sg

‘В верховьях Оби есть русская женщина, я шаманил (ей).’

ruʎ iminə t'ərtətojəm.

ruʎ	imi=pə	t'ər=t=əlt=ɔ=oj=əm
русский	женщина=LOC	шаманить=CAUS=IMPF=PAST=PASS=SUBJ/1Sg

‘Русская женщина заставляла меня шаманить.’

Подобная стратегия поддерживает последовательное чередование темы и ремы в тексте, при котором сохраняется его общая нейтральная окраска. Бытийная конструкция позволяет вначале ввести новый объект, который закономерно займет позицию ремы (Кто живет в верховьях Оби? – Русская женщина), а в последующей фразе он переместится в позицию темы, открыв позицию ремы для нового компонента высказывания (Что я делал для нее? – Я ей шаманил). В следующем предложении пассивно-каузативная конструкция вновь используется для рематизации слова «женщина» (Кто заставлял меня шаманить? – Вот эта-то русская женщина и заставляла меня шаманить). Таким образом, в хантыйском языке имеются ограничения на введение в позицию ремы неизвестного, не определенного ранее объекта. Для того чтобы сообщить о действиях нового для данного текста лица, потребовалось три предикативных единицы. Ср. в русском языке ту же самую информацию можно «упаковать» в одно предложение: *Меня заставляла шаманить одна русская женщина, которая живет в верховьях Оби.* В подобных русских высказываниях для введения неопределенной новой ремы используются лексические средства (слова типа *один / одна* в значении «какой-то, некоторый»). Уточнение неопределенного объекта, указание на его идентифицирующие признаки может линейно следовать за его первым упоминанием в тексте. В хантыйском же языке, наоборот, вначале указывается на существование данного предмета, потом вводится идентифицирующий его признак, и только затем называется действие, которое данный предмет совершает.

Приведем еще один аналогичный пример:

(22) хант. сург. (Иван Степанович Сопочин, тром-аганский говор)

əpət naŋk.

əpət *naŋk*
большой лиственница

‘Большая лиственница.’

naŋk pörəknə tət ämäsät.

naŋk *pörək=nə* *tət* *ämäs=ɬ=əm*
лиственница комель=LOC там сидеть=PR=SUBJ/1Sg

‘Я сажу там, у комля лиственницы.’

Таким образом, в позиции ремы стоят преимущественно слова, обозначающие данное, определенные и известные из контекста. При необходимости ввести в позицию ремы слово, которое еще не было введено в контекст, используются конструкции бытийного типа, в которых вначале сообщается о существовании данного предмета, а затем уже он оформляется как рематический компонент высказывания.

Морфологические средства выражения актуального членения

Поскольку синтаксические средства выражения актуального членения в хантыйском языке ограничены сферой своего употребления, большую значимость приобретают морфологические средства: падежное варьирование и пассивные конструкции. Основные закономерности построения коммуникативной парадигмы в хантыйском языке на примере западных диалектов были описаны в работах [Nikolaeva, Kovgan, Koškarëva, 1993; Nikolaeva, 1999, 2001; Николаева, 2002; Кошкарева, 2002]. Сургутский диалект, относящийся к восточному диалектному массиву, обладает рядом отличий в построении коммуникативной парадигмы. Это обусловлено наличием в падежной системе ряда падежей, отсутствующих в склонении казымского диалекта. В частности, сургутские личные местоимения могут принимать форму местно-творительного падежа. Это делает возможным существование предложений, в которых личное местоимение принимает форму местно-творительного падежа при страдательной форме глагола, например:

(23) хант. сург. (Иван Степанович Сопочин, тром-аганский говор)

(а) *Ещё нөк қөрасәп қонат, ма нүл тахдәм.* (а) Вот еще, с таким, как ты, я буду бороться.

(б) *Ма қача вөккән қо вөсәм төмпинам.* (б) Я очень сильный человек.

(в) *Өс манә катәлдө кунтә, төм пәнләкда* (в) Уж если я схвачу, позвонки и все остальное
учда чуккә йәдәт. раздробятся.

(г) *Нүң қөрасәп қонат ма тәм нүл тахдәм.* (г) Буду я еще бороться с таким, как ты!

(д) *Ма чақа вөккән қо вөсәм.* (д) Я очень сильный человек.

Глоссирование примера (в):

Өс манә катәлдө кунтә, [төм пәнләкда учда чу_ккә йәдәт].

ес ма=нө катәл=л=ө кунтә
вот я=LOC схватить=Pr=PASS/SUBJ/2Sg если

Букв.: Если ты будешь схвачен мной...

‘Уж если я схвачу, [позвонки и все остальное раздробятся].’

Использование личного местоимения в форме местно-творительного падежа позволяет поддерживать единство действующего лица, как, например, в следующем отрывке, в котором все перечисленные действия и признаки относятся к одному и тому же лицу:

(24) хант. сург. (Иван Степанович Сопочин, тром-аганский говор)

(а) *Ма вәдә нәңаты йәстәдәм, ма чунчхам чи* (а) Я ведь вас предупреждал, веревка уже
тәрмәл. заканчивается.

(б) *Манә тәм әй чөнчәха кәрәтәдөтәх.* (б) Этой веревкой я вас потом свяжу.

(в) *Нөк чи өхәтдәмтәдәм, вөнт йачә төх* (в) Подвешу вас среди леса, возле вашего
қөнәңа. озера.

(г) *Вөккәң қо вөсәм чақа.* (г) Я ведь очень сильный человек.

Глоссирование примера (б):

Манэ тәм ай чөнчәхә кәрәтәдәтәх.

ма=нә тәм ай чөнчәхә=а кәрәт=әл=ө=тәх
я=LOC этот один веревка=LAT нанизать=Pr=PASS=SUBJ/2Pl

Букв.: На эту веревку вы мной будете нанизаны.

‘Этой веревкой я вас потом свяжу.’

В казымском диалекте хантыйского языка личные местоимения в пассивных конструкциях невозможны, однако одушевленные имена существительные, имеющие в парадигме форму местно-творительного падежа, в таких конструкциях употребляются и являются темой высказывания, в том числе и темой-новым (см. пример 4, в котором имя существительное в форме местно-творительного падежа выполняет роль контрастной темы). Можно предположить, что в сургутском диалекте топикальность личных местоимений не получает столь жестких конструктивных ограничений, как в казымском. В рассмотренных контекстах 23 и 24 личные местоимения сохраняют свой статус темы-данного, который поддерживается их неоднократным повторением (или указанием на 1-е л. ед. ч. личными окончаниями глагола) в каждом предложении. Таким образом, либо определенный тип контекста позволяет употреблять личные местоимения в конструкции, предназначенной для выведения агенса из дефолтной тематической позиции подлежащего, либо в сургутском диалекте подобные пассивные конструкции имеют иной, чем в казымском, коммуникативный статус. Ср. пример, в котором вопросительное местоимение занимает позицию ремы.

(25) хант. сург. (Иван Степанович Сопочин, тром-аганский говор)

Ма мувнә дилөйәм?

ма мув=нә ди=л=өй=эм
я.NOM что=LOC съест=Pr=PASS=SUBJ/1Sg

‘Кто меня съест?’

Для маркирования ремы в сургутском и казымском диалектах в конструкциях типа Dative shift используются разные падежи: в казымском для этого служит дательного-направительный падеж, а в сургутском – инструментальный, как в активных, так и в пассивных конструкциях. При этом адресат принимает форму Вин. п.

(26) хант. сург. (Аграфена Семеновна Песикова, пимской говор)

(Что я вам дам?)

Ма нўңат пўмәң сөхәтәт мөләм.

ма нўң=ат пўмәң сөхәт=ат мөл=л=эм
я.NOM ты=ACC теплый шкурка=INSTR дать=Pr=SUBJ/1Sg

‘Я дам вам теплую шкурку.’

(27) хант. сург. (Иван Степанович Сопочин, тром-аганский говор)

Йәхәмнә вадә сивь қыраҳат мэйөйәм.

йәх=эм=нә вадә сивь қыраҳ=ат мэй=өй=эм
отец=POSS/1Sg/Sg=LOC ведь рогожка=INSTR оставить=PASS=SUBJ/1Sg

Букв.: Я ведь отцом рогожкой оставлен.

‘Отец ведь мне рогожку оставил.’

Әнтә өс ма вадә кешкаҳат мэйөйәм.

әнтә өс ма вадә кешкаҳ=ат мэй=өй=эм
нет ведь я.NOM ведь кошка=INSTR оставить=PASS=SUBJ/1Sg

‘А мне-то ведь кошку оставил.’

Ср. также примеры активной и пассивной конструкций из одной и той же сказки:

(28) хант. сург. (Иван Степанович Сопочин, тром-аганский говор)

(а) *Мәңәт әнтә йсылдән?*

мәң=әт әнтә йсыл=л=ән
мы=ACC не отпустить=Pr=SUBJ/2Sg

‘Не отпустишь ли нас?’

Йәм вӱх – сөрњи вӱхат мәдә.

йәм вӱх сөрњи вӱх=ат мә=л=ө
хороший железо золотой железо=INSTR дать=Pt=PASS/SUBJ/2Sg

‘Мы тебе деньги-золото дадим.’

(б) *Мәң өс па йәм вӱх – сөрњи вӱхат мәдүв.*

мәң өс па йәм вӱх сөрњи вӱх=ат
мы.NOM еще и хороший железо золотой железо=INSTR

мә=л=ув

дать=Pt=SUBJ/1Pl

‘А мы тебе еще денег-золота дадим.’

В лесном диалекте ненецкого языка наблюдается аналогичная мена падежей. Для рематизации объекта или адресата используется форма дательно-направительного падежа. Приводимые ниже примеры получены от носителей нумтовского говора лесного диалекта ненецкого языка, находящегося в очень тесных контактах с казымским диалектом.

(29) нен. лесн. (Светлана Петровна Пяк, нумтовский говор)

(а) Кому я привез подарок?

Мань мячисы апахай таңат

мань мячисы=∅ апа=хя=й
я.NOM/Sg подарок=NOM/Sg старшая сестра=DAT/Sg=POSS/1Sg/Sg

та=ңа=т

привезти=AOR=SUBJ/1Sg

‘Я привез сестре подарок.’

(б) Что я привез сестре?

Мань апаи мячисэт таңат.

мань апа=∅=й мячисэт
я.NOM/Sg старшая сестра=NOM/Sg=POSS/1Sg/Sg подарок=DAT/Sg

та=ңа=т

привезти=AOR=SUBJ/1Sg

‘Я привез сестре подарок.’

В нумтовском говоре, под воздействием казымского диалекта хантыйского языка, суффикс Вин. п. утратился, тогда как в пуровском говоре, граничащем с другими самодийскими языками, этот падеж регулярно оформляет позицию прямого объекта, например:

(30) нен. лесн. (Полина Гилевна Турутина, пуровский говор)

Нгылика Лэхэн ватамэн чадкам ми’дя.

Нгылика Лэхэн вата=мэ=н чадкам=м
Нгылика Лэхэ=GEN/Sg воспитать=PP=DAT/Sg рюмка=ACC/Sg

ми=’дя

дать=OBJ/3Sg/Sg

‘Нгылика еще рюмку поставил воспитаннику Лэхэ.’

Ср. предложения с семантикой перемещения из тундрового диалекта ненецкого языка, в которых в зависимости от логического ударения происходит мена падежей: винительный прямого дополнения меняется на местно-творительный, если объект является ремой, а дательно-направительный, обозначающий конечную точку перемещения, на винительный, если он сдвигается в позицию темы.

(31) нен. тундр. (Ольга Григорьевна Салиндер, тазовский говор)

(а) Куда положил дрова?

Пям’ корн’ мыир.

пям=м’ кор=н’ мы=и=р
дрова=ACC/Sg печка=DAT/Sg положить=INTF=OBJ/2Sg/Sg

‘Положил дрова в печку.’

(6) Что положил в печку?

Корамт пяхана мыыр.

кор=ам=т	пя=хана	мы=и=р
печка=ACC/Sg=POSS/2Sg/Sg	дрова=LOC/Sg	положить=INTF=OBJ/2Sg/Sg

Букв.: Печку дровами положил.

‘В печку положил дрова.’

В отличие от хантыйского языка, в котором для выражения актуального членения широко используется пассивная конструкция, высоко частотная в текстах, в ненецком языке глагол не имеет формы страдательного залога. Зато в системе склонения и для личных местоимений, и для имен существительных представлена форма Вин. п., который, вместе с изменением глагола по субъектному или объектному спряжению, служит средством формирования коммуникативной парадигмы предложения.

В ненецком языке возможны следующие варианты взаимного соответствия падежного оформления объектного актанта и типа спряжения глагола:

1) в общеинформативных высказываниях объект стоит в форме основного падежа, глагол – в форме субъектного спряжения:

(32) нен. лесн. (Владимир Талевич Айваседа, аганский говор)

Нэдамэн, мят пон нямташтут.

нэда=мэ=н	мят=Ø	пон	нямта=шту=т
удивиться=PP=SUBJ/2Sg	чум=NOM/Sg	долго	ставить=HAB=SUBJ/1Sg

‘Понимаешь, я чум долго ставил.’

2) если один из компонентов высказывания акцентируется, то объект принимает форму винительного падежа, а глагол – форму объектного спряжения:

(33) нен. лесн. (Юрий Кылевич Айваседа, аганский говор)

Ними нэмта матацата – цай кадя.

ними	нэ=м=та	мата=ца=та	цай	кадя=Ø
другой	нога=ACC/Sg=POSS/3Sg	отрубить=ца=OBJ/3Sg	опять	пойти=SUBJ/3Sg

‘Другую ногу отрубил – опять пошел.’

Таким образом, стратегии выражения актуального членения в хантыйском и ненецком языках различаются: в хантыйском языке, особенно в казымском диалекте, в котором система склонения минимальна, основную нагрузку берет на себя глагол, который может принимать формы субъектного или объектного спряжения, а также страдательного залога. В ненецком же языке, в котором страдательный залог отсутствует, шире используется падежное варьирование: коммуникативная нагрузка падежного варьирования объекта (основной / винительный падежи) в каком-то смысле аналогична разграничению активных и пассивных конструкций в хантыйском языке.

Список литературы

- Кошкарёва Н. Б. Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 12. С. 29–44.
- Николаева И. А. Конструкции со вторичным топиком // Лингвистический беспредел: Сб. ст. к 70-летию А. И. Кузнецовой. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. С. 274–288.
- Nikolaeva I. Object Agreement, Grammatical Relations, and Information Structure // Studies in Language 23. 1999. P. 341–386.
- Nikolaeva I. Secondary Topic as a Relation in Information Structure // Linguistics 39. 2001. P. 1–49.
- Nikolaeva I., Kovgan E., Koškarëva N. Communicative roles in Ostyak syntax // Finnisch-Ugrische Forschungen. 51. 1993. Vol. 1–3. P. 125–167.